

HISTORIA
ROSSICA

Nikolaos A. Chrissidis

An Academy
at the Court
of the Tsars

GREEK SCHOLARS
AND JESUIT EDUCATION
IN EARLY MODERN RUSSIA

Northern Illinois
University
Press

2016

Николаос Хриссидис

Академия
при царском
дворе

ГРЕЧЕСКИЕ УЧЕНЫЕ
И ИЕЗУИТСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ
В РОССИИ РАННЕГО
НОВОГО ВРЕМЕНИ

Новое
Литературное
Обозрение

2 0 2 3

УДК 37(47)«16»
ББК 74.03(2)4
Х93

**Редакционная коллегия серии
HISTORIA ROSSICA**

*С. Абашин, Е. Анисимов, О. Будницкий, А. Зорин, А. Каменский,
Б. Колоницкий, А. Миллер, Е. Правилова, Ю. Слэскин, Р. Уортман*

Редактор серии *И. Мартынюк*

Хриссидис, Н.

Х93 Академия при царском дворе: греческие ученые и иезуитское образование в России раннего Нового времени / Николаос Хриссидис; пер. с англ. Н. Эдельмана; науч. ред. М. Лавринович. — М.: Новое литературное обозрение, 2023. — 440 с.: ил. (Серия Historia Rossica)

ISBN 978-5-4448-2189-3

В 1685 году два греческих иеромонаха, Иоанникий и Софроний Лихуды, основали первое в истории России высшее учебное заведение открытого светского типа, известное нам как Славяно-греко-латинская академия. Как и многие их греческие современники, братья получили образование в школах постренессансной Италии, копировавших учебные программы иезуитов. В своей книге Н. Хриссидис анализирует влияние Славяно-греко-латинской академии на российскую образовательную практику и помещает ее в широкий контекст русско-греческих культурных связей и контактов между Россией и Западной Европой в XVII веке. Он показывает, как российские и греческие образовательные предприятия были встроены в общеевропейскую модель академической деятельности иезуитов, повлиявшей на римско-католические и восточноправославные учебные заведения в части выбора учебных программ. По мнению автора, греческое академическое и культурное влияние на Россию во второй половине XVII века носило отпечаток западных образовательных стандартов, хотя и оставалось номинально православным с доктринальной точки зрения. Николаос Хриссидис — историк, профессор Государственного университета Южного Коннектикута, США.

УДК 37(47)«16»
ББК 74.03(2)4

В оформлении обложки: Школьная аудитория, конец XVII века. Источник: Oktoechos. Venice: Typ. Nikolaos ho Glykys, ho ex Ioanninon, 1683. P. 3. Из коллекции Библиотеки Геннадия, Американская школа классических исследований, Афины, Греция (Gennadius Library, American School of Classical Studies, Athens, Greece)

An Academy at the Court of the Tsars: Greek Scholars and Jesuit Education in Early Modern Russia, by Nikolaos A. Chrissidis, a Northern Illinois University Press book from Cornell University Press.

Copyright © 2016 by Northern Illinois University Press.

This edition is a translation authorised by Cornell University Press.

© Н. Эдельман, пер. с английского, 2023

© Д. Черногаев, дизайн обложки, 2023

© ООО «Новое литературное обозрение», 2023

СОДЕРЖАНИЕ

Благодарности	7
Предисловие к русскому изданию	14
Введение. Грекофилы и латинофилы.	15
Историографический экскурс	27
Глава 1. Изображая сообщество: греки и русские в XVII веке	41
«Православное содружество»?	46
Православная этнография	53
Греки и русские	72
Глава 2. Странствующие греки: из Италии в Россию	75
Братья Лихуды до прибытия в Россию	78
Невзгоды и испытания по пути в Россию	105
«Раскрыть глаза москвитам»: полемисты и преподаватели, 1685–1694 годы	110
Опала	125
Между Новгородом и Москвой	136
К портрету братьев Лихудов	140
Глава 3. Основание академии в Москве	147
Обучение и просвещение в Московском государстве	151
Планы по созданию академии в Москве	170
Лихудовская академия	191
Глава 4. Реализация учебной программы братьев Лихудов, часть I: курс риторики	214
Учебники	224
Учебный процесс	228
Глава 5. Реализация учебной программы братьев Лихудов, часть II: взгляд в небеса	271
Лихудовская логика, физика и психология	280
Лихудовская космология	287
Постигая небеса	294
Планетные системы в лихудовской космологии	307

Глава 6. Риторика, физика и придворная культура в Московском государстве конца XVII века: лихудовская натуральная философия в российском контексте	315
Риторика на практике: придворные речи Лихудов	319
Карьера выпускников академии: несколько примеров	339
Заключение. Образование, вестернизация и секуляризация в России эпохи раннего Нового времени	363
Приложение. Студенты Славяно-греко-латинской академии, 1685–1694	380
Библиография	385
Указатель имен	432

БЛАГОДАРНОСТИ

За долгое время, посвященное изучению деяний двух уроженцев Кефалинии, занимающих центральное место в этой книге, у меня накопились многочисленные долги перед различными учреждениями и людьми. И потому пользуюсь случаем, чтобы воздать должное их содействию и вкладу, внесенному ими в данный труд.

В России в числе тех, кто тепло принимал «лихудиста» из США, были руководство и сотрудники Российской государственной библиотеки и Российского государственного архива древних актов (Москва), Российской национальной библиотеки и Библиотеки Российской академии наук (С.-Петербург), а также Владимиро-Суздальского музея-заповедника (Владимир); в Украине — сотрудники Института рукописей при Национальной библиотеке Украины им. В. И. Вернадского (Киев). Я благодарен им за щедрую помощь при поиске рукописей, получении микрофильмов и цифровых копий и за другие всевозможные услуги, обеспечившие продуктивность моих исследовательских экспедиций. В Нью-Хейвене бесценное содействие на протяжении многих лет мне оказывал персонал Стерлинговской мемориальной библиотеки Йельского университета, особенно сотрудники абонементного стола и читального зала славистики. В частности, я благодарен Татьяне Лорковиц — давнему куратору Славянского собрания Стерлинговской мемориальной библиотеки (Slavic Reading Room, Sterling Memorial Library, Yale University), различными путями облегчавшей мою работу и в Нью-Хейвене, и в России. Также я остаюсь в долгу перед Пэтришей Тэрстон — заведующей каталогом Стерлинговской мемориальной библиотеки, которая всегда незамедлительно отзывалась на мои многочисленные просьбы о помощи в поиске редких книг.

Йельский университет с его интеллектуально стимулирующей атмосферой оказал мне и щедрое финансовое содействие. На различных этапах моих исследований и в ходе работы над диссертацией, положенной в основу этой книги, я получал финансирование от Йельского центра международных и региональных исследований (Yale Center for International and Area Studies), по программе обмена Йель — МГУ (Yale — Moscow State University Exchange Program), по программе исследований в сфере международной безопасности (International Security Studies Program), от деканата и — не в последнюю очередь — от департамента истории Йельского университета. Греческое отделение Фонда Фулбрайта (Fulbright Foundation in Greece), Национальный стипендиальный фонд Вудро Вильсона (Woodrow Wilson National Fellowship Foundation) и Фонд Спенсера для исследований в области просвещения (Spencer Foundation for Research in Education) выплачивали мне гранты, без которых я бы не смог начать и завершить работу над диссертацией. Благодаря стипендии им. Ханна Сигер Дэвис, полученной уже после защиты диссертации в рамках программы Принстонского университета по греческим исследованиям (Hannah Seeger Davis Post-Doctoral Fellowship at the Program in Hellenic Studies, Princeton University), я оказался в самой гуще дружелюбной семьи принстонских эллинистов (как местных, так и пришлых), восстановил контакты с греческой научной средой и, что самое главное, получил возможность наладить ряд научных связей и завести новых хороших друзей. Я благодарен неутомимому принстонцу Димитрию Гондикасу и неизменно любезным Александру Нехамасу и Кэрол Оберто за их помощь. Позже мои творческие отпуска и исследовательские поездки финансировались исследовательскими стипендиальными программами Национального фонда гуманитарных наук для профессоров и преподавателей (Faculty Research Fellowship from the National Endowment for the Humanities), Американского философского общества (Sabbatical Fellowship from the American Philosophical Society) и Котсенской программой трэвел-грантов при Библиотеке Геннадий (Cotsen Traveling Fellowship from the Gennadius Library), что позволило существенно расширить масштабы данной работы. На протяжении ряда лет мои исследовательские поездки в Россию, Грецию

и Украину финансировались благодаря факультетским исследовательским грантам Государственного университета штата Коннектикут (Connecticut State University Research Grants). Наконец, особой благодарности заслуживает такой оазис научных занятий, как Библиотека Геннадиус при Американской школе классических исследований в Афинах (Gennadius Library of the American School of Classical Studies in Athens, Греция). Директор Библиотеки Геннадиус, д-р Мария Георгопулу, Наталья Вогейкоф-Броган — архивист на ставке им. Дорин Кэнеди Спитцер, старший библиотекарь Ирины Соломониدي, блестящая команда научных сотрудников и служащих библиотеки, включая Алики Асвеста, Леду Костаки, Элефтерию Далезиу, Сулу Панагопулу, Катерину Папатеофани, Мину Роди, Андреаса Сидериса, Марию Смали, Яниса Валурдоса, Гавриэлли Васдеки и Димитриса Веленцаса на протяжении многих лет создавали питательную интеллектуальную среду и служили доброжелательным окружением, способствовавшим моим исследовательским вылазкам. Действительно, именно в Библиотеке Геннадиус эта книга обрела свой окончательный вид. С большим удовольствием и чувством глубокой ответственности я воздаю должное помощи и поддержке со стороны всех вышеназванных учреждений и лиц.

На протяжении многих лет разностороннее содействие моим научным начинаниям мне оказывали ряд коллег и друзей. В России мне щедро давали советы, активно поощряли мои изыскания, снабжали меня необходимой информацией и не давали мне скучать Александр Юрьевич Бабосов, Евгения Михайловна Быкова, Ольга Владимировна Дмитриева и Ольга Игоревна Варьяш, не устававшие напоминать мне, что «в Греции все есть». В Нью-Хейвене мне много лет заменяли семью, заботились обо мне в скверные времена и служили для меня незаменимой опорой Христос Каболис, Катерина Каболис, Петрос Каболис, Мария Георгопулу, Димитрий и Иоанна Гутас, Майя Янссон и Улла Кастен. Еще одной заботливой семьей в бурные первые годы моего пребывания в США для меня стали Александра и Гарри Коррос. В трудную пору я всегда мог положиться на Зое Диамиди, Фирузе Кашани-Сабет, Дженнифер Спок, Мишель Томпсон и Сару Трэпнелл. В Греции меня окружали всесторонней заботой, которую порой даже невозможно выразить словами,

Виргиния Гианци, Васо Цимпуки, Роксани Кафтантзоглу, Димитрис Хрисис, Тзелина Харлафтис, Ева Калпуртзи, Наузика Лицардопулу, Христос Каболис, Мария Георгопулу, а также покойная Эвридики Сифнеу. Я глубоко благодарен всем им за их щедрость, душевное тепло и помощь. В моей собственной институции, Государственном университете Южного Коннектикута (Southern Connecticut State University), мне повезло найти нескольких коллег-исследователей, с которыми вот уже много лет я могу обсуждать старые и новые предметы и от которых я получал безграничную поддержку: это Поли Билс, Стив Джадд, Марианн Кеннеди, Вирджиния Метаксас, Трой Пэддок, Кристин Петто, Мишель Томпсон и Богдан Замфир. Также я чрезвычайно благодарен Ширли Кавано, Бет Пэрис и Альбе Рейнаге из Библиотеки Бьюли (Buley Library) при Государственном университете Южного Коннектикута, которые не раз быстро и дружно обслуживали меня, когда я подавал им бесчисленные требования на книги, а также Офису проректора, частично оплатившему работу по составлению алфавитного указателя к этой книге. Мардж Хуан и Кристен Регина из Фонда Хиллвуд (Hillwood Estate) оказали мне бесценное содействие при подборе иллюстраций и получении разрешений на их воспроизведение, за что я выражаю им благодарность.

На протяжении всех лет работы над этой книгой интерес к моей работе проявляли, задавая непростые вопросы, делясь своей точкой зрения и многому научив меня, ряд исследователей: Ольга Александропулу, Мария Саломон Арел, Эвангелия Балта, Питер Б. Браун, Дмитрий Буланин, Роксани Кафтантзоглу, Яннис Каррас, Вера Ченцова, Евгений Чернухин, Апостолос Делис, Ада Диалла, Мария Ди Сальво, Борис Львович Фонкин, Константинос Гарицис, Харви Голдблатт, Татьяна Павловна Гусарова, Тзелина Харлафтис, Джеймс Хейнцен, Дмитрий Яламас, Марк Аркадьевич Юсим, Андрей Иванов, Ева Калпуртзи, Панос Капетанакис, Харитонас Каранасиос, Фирузе Кашани-Сабет, Ольга Кацарди-Херинг, Александра Коррос, Гиоргос Кутзакитис, Иоаннис Кириакактонакис, Олег Лада, Ив Левин, Мария Литина, Наузика Лицардопулу, Панагиотис Михаиларис, Овидиу Олар, покойный Димитриос Пантос, покойный Ярослав Пеликан, Петрос Петратос, Кэти Поттер, Джамия Нуровна Рамазанова,

Евгений Евгеньевич Рычаловский, Александр Шенкер, покойный Дэвид Схиммельпеннинк ван дер Ойе, покойная Эвридики Сифнеу, Сергей Васильевич Соколов, Дженнифер Спок, Димитрис Стаматопулос, Роди Стамули, Анна Сидоренко, Рошанна Сильвестер, Максим Яременко и Эрнест Зицер. Я всем им выражаю благодарность и прошу прощения у тех, кого забыл включить в этот список. В особенной степени я благодарен Вальери Кивельсон и Роберту Коллису за их бесценную поддержку и за многочисленные предложения, позволившие существенно улучшить прочитанную ими рукопись. Хотя вышеназванные учреждения и отдельные исследователи внесли несомненный вклад в работу над этой книгой, никто из них не несет никакой ответственности за выражаемые в ней взгляды. Вину за любые оставшиеся ошибки следует возлагать только на меня одного.

Мне повезло работать с замечательными и опытными коллегами из издательства Northern Illinois University Press. Я нахожусь в особом долгу перед Эми Фарранто, поверившей в этот проект и с начала и до конца подбадривавшей меня и оказывавшей мне помощь, даже когда она видела, что у меня не ладится дело, а также перед Натаном Холмсом, проявившим себя в качестве образцового выпускающего редактора и неизменно сохранявшего непредвзятость. Также я благодарен Шону Оллсхаусу, Каре Карлсон, Юни Дорр, Лори Профетер и Пэт Йенерич, позаботившимся о том, чтобы книга вышла в свет. Моего редактора, Мэрлин Миллер, я от души благодарю за то, что она уберегла мою книгу от множества недостатков и вносила в рукопись улучшения на каждом этапе работы.

Мой покойный отец Арис Хриссидис и моя мать Маро Хриссидис никогда не отказывали мне в любви, поддержке и содействии, даже в тех нередких случаях, когда они не одобряли мой выбор. Им я тоже выражаю здесь свою благодарность. Как бы мне хотелось, чтобы мой отец дожил до момента выхода книги из печати!.. Мой спутник жизни, Ричард Ричи, куратор Собрания Юго-Восточной Азии в Стерлинговской мемориальной библиотеке Йельского университета, вошел в мою жизнь в критическую минуту и с тех пор был для меня надежным источником любви, душевного тепла и советов (не говоря уже о том, что он стал моим поваром, шофером и курьером, доставлявшим

книги!). Надеюсь, что он знает, какую важную роль он играет в моей жизни.

Впрочем, в первую очередь тем человеком, перед которым у меня накопился огромный интеллектуальный и личный долг, является Пол Бушкович. Всего через полминуты после нашей первой встречи в августе 1991 года я уже переводил для него с русского на английский. (Для протокола: думаю, что я успешно прошел этот тест. Впоследствии он пытался заставить меня переводить с гомеровского греческого на английский — *selbstverständlich*¹, аттической прозы Фукидида было недостаточно.) С тех пор он буквально стоял за моей спиной как ученый, советник, наставник, учитель и друг. Пол научил меня любить русскую историю, ставить непростые вопросы и выходить за рамки общепринятых мнений. Я не мог бы желать большего. Неизменная поддержка, которую он оказывал и оказывает мне на протяжении вот уже четверти века, вызывает у меня чувство глубокой благодарности. Несомненно, он согласится, что пришло время предоставить двух моих уроженцев Кефалинии самим себе и совершить новые паломничества в российскую историю.

Главы 5 и частично 6 были ранее опубликованы под названием *A Jesuit Aristotle in Seventeenth-Century Russia: Cosmology and the Planetary System in the Slavo-Greco-Latin Academy* («Аристотель иезуитов в России XVII века: космология и планетная система в Славяно-греко-латинской академии») в книге *Modernizing Muscovy: Reform and Social Change in Seventeenth-Century Russia* («Модернизирующаяся Московия: реформы и социальные изменения в России XVII века») под редакцией Ярмо Котилейна и Маршалла По. Также в книгу вошел ряд фрагментов из моей статьи «Греческие учителя, иезуитская программа, русские ученики: московская Славяно-греко-латинская академия в историографической перспективе» (Київська академія. 2012. № 10. С. 90–116). В обоих случаях я внес некоторые исправления в первоначальные тексты. Выражаю благодарность редакторам за разрешение вновь использовать их в этой книге.

Хочу обратить внимание читателей на то, что в данной книге используются термины «православный Восток» и «греческий

¹ Само собой разумеется (*нем.*). — Прим. ред.

Восток». Первый относится ко всему православному миру периода раннего Нового времени в Юго-Восточной Европе, на Балканах и на Ближнем Востоке. Последний обозначает ту часть этого мира, которую занимало грекоязычное население и общины. Таким образом, в известной степени два эти понятия перекрывают друг друга. Термин «греческий Восток» является достаточно широким для того, чтобы охватить носителей греческого языка и состоявшую из греков церковную иерархию, служившую для них «нормой». При этом не обязательно имеются в виду какие-либо современные национальные идентичности в строгом смысле слова.

Все даты приводятся по юлианскому календарю («старому стилю»), употреблявшемуся в России и в греческом мире в эпоху, рассматриваемую в данной книге. Юлианский календарь отставал от григорианского на 10 дней в XVII веке и на 11 дней в XVIII веке.

ПРЕДИСЛОВИЕ К РУССКОМУ ИЗДАНИЮ

Я благодарю издательство «Новое литературное обозрение» за включение книги в число своих публикаций. Я благодарен Николаю Эдельману за его настойчивость и терпение, за его навыки перевода и за обнаружение оплошностей в процессе перевода. Научный редактор книги Майя Лавринович внесла большой вклад в подготовку русского текста книги, а также в проверку терминов и формулировок; я благодарю ее за тщательные поиски подходящих русских эквивалентов и неустанное исправление ошибок. Я также благодарен за активное сотрудничество редакторам серии *Historia Rossica* Игорю Мартынюку и Ирине Ждановой.

Я не пытался обновлять библиографию, поскольку книга не является переработанным изданием. Избирательно я предлагаю заинтересованным читателям следующие монографии в качестве дополнительных по отдельным темам, затронутым в книге:

- Рамазанова Д. Н.* Итальянская школа братьев Лихудов в Москве (1697–1700 гг.). М.: Издательский дом ЯСК, 2019.
- Fedyukin I.* The Enterprisers: The Politics of School in Early Modern Russia. NY: Oxford Univ. Press, 2019.
- Küçük H.* Science without leisure: practical naturalism in Istanbul, 1660–1732. Pittsburgh, Pa.: Univ. of Pittsburgh Press, 2020.
- Makridis V.* Die religiöse Kritik am kopernikanischen Weltbild in Griechenland zwischen 1794 und 1821: Aspekte griechisch-orthodoxer Apologetik angesichts naturwissenschaftlicher Fortschritte. Frankfurt am Main; NY: Peter Lang, 1995.
- Olar O.-V.* La boutique de Théophile: les relations du patriarche de Constantinople Kyrillos Loukaris (1570–1638) avec la Réforme. Paris: Centre d'études byzantines, néo-helléniques et sud-est européennes; École des hautes études en sciences sociales, 2019.
- Pissis N.* Russland in den politischen Vorstellungen der griechischen Kulturwelt 1645–1725. Göttingen: V&R Unipress, 2020.

Введение

ГРЕКОФИЛЫ И ЛАТИНОФИЛЫ

В 1685 году два греческих иеромонаха, братья Иоанникий и Софроний Лихуды, основали в Москве учебное заведение, известное в историографии как Славяно-греко-латинская академия, соединявшая в себе среднее и высшее образование¹. Она стала первым формально учрежденным учебным заведением в России, причем устроенным по образцу современных ему иезуитских коллегий. Иоанникий и Софроний не являлись членами «Общества Иисуса»; наоборот, все факты указывают на то, что они с рождения принадлежали к греческой православной конфессии и никогда не отрекались от нее. Тем не менее, подобно многим другим грекам в XVII веке, братья обучались в том числе и в учебных заведениях постренессанской Италии, где по большей части преподавались те же предметы, что и у иезуитов (Софроний, кроме того, окончил Падуанский университет). В свою очередь, Лихуды, взявшись за создание школы в России, воспроизвели структурные особенности, педагогические методы и образовательную программу иезуитских коллегий. Безусловно, Лихуды адаптировали учебный курс академии к потребностям русского православного культурного окружения. И все же они давали своим студентам-москвитам почти такое же риторическое и философское образование, которое предлагалось преподавателями-иезуитами в обширной сети их учебных заведений, охватывавшей весь мир.

---

¹ Необходимо уточнить, что слово «славяно-» в названии академии относится к славянскому (церковнославянскому) языку, который использовался Русской православной церковью.

В основе данной книги лежит идея о том, что российское институциональное образование на первых порах ориентировалось на иезуитские прототипы, завезенные в Россию братьями Лихудами. Соответственно, преподавательская деятельность этих ученых греков была одним из тех магистральных путей, по которым латинский Запад проникал в Россию XVII века¹. В книге будет рассмотрен ранний этап работы Славяно-греко-латинской академии в Москве (1685–1694 годы), то есть «лихудовский» период. Центральное место в моей аргументации будет занимать разбор учебников и других учебных материалов, использовавшихся Лихудами в их преподавательской деятельности. Эти источники (на латыни, греческом и церковнославянском языках), до сих пор не опубликованные и хранящиеся в разных архивах, играют первостепенную роль при изучении образовательной программы академии. Исходя из изучения формальной организации и учебной программы академии, а также ряда образцов из числа созданных авторами учебников, речей и так далее, я прихожу к выводу о том, что Лихуды служили проводниками риторики и натуральной философии, господствовавшей в учебной программе иезуитских коллегий в Западной Европе и на большей части поствизантийского греческого мира XVII века. Преподавание в академии, представлявшее собой почти точную копию учебной программы барочных иезуитских коллегий, ставило во главу угла знание классических языков и риторики. Вместе с тем студентов академии обучали аристотелевской логике и натуральной философии в том виде, в каком они были развиты иезуитскими учеными к середине XVII века. Эта натуральная философия не сводилась к одной лишь схоластической качественной физике; она стремилась взять на вооружение ряд новейших достижений в сфере количественного, «научного» исследования природных явлений. В этом отношении академия выступала за рациональное изучение физической

---

¹ Другими путями проникновения латинской культуры была, во-первых, деятельность выпускников учебных заведений в Киеве и других частях Речи Посполитой как до, так и после перехода Киева под власть Москвы, во-вторых, частное обучение, в-третьих, профессиональная и практическая подготовка, которую можно было получить в административных органах (приказах) Московского государства.

вселенной. Это представляло собой серьезное новшество для России XVII века, где подобные занятия, как правило, вызвали подозрения и обычно выходили за рамки просветительской деятельности, оставившей след в источниках, возникших в эпоху до основания академии.

Учебный курс академии провозглашал ценность знания как орудия, необходимого и для отправления истинной веры, и для успеха в реальной жизни. Внешнее (то есть нерелигиозное) знание уже не считалось угрозой и не рассматривалось априори в качестве антитезы вере. Философия и теология отныне не противопоставлялись друг другу; напротив, утверждалось, что образованный разум может и даже должен сочетать их в себе. Эта точка зрения, представляя собой существенный отход от преимущественно религиозной культуры допетровской России, делала упор как на материальную, так и на духовную жизнь личности. Таким образом, академия привнесла много светских (то есть частично философских и «научных») аспектов в культуру российской элиты, а ее деятельность представляла собой одну из сторон вестернизации этой элитарной культуры в конце XVII века. Более того, ряд выпускников академии занимали важные должности в правительстве Петра I (1682–1725, начало единоличного правления — 1689 год). Благодаря обучению в академии некоторые из них оказались готовы к решению задач, встававших в связи с вестернизационными инициативами Петра I.

Не менее важны для понимания роли Лихудов как ученых и преподавателей и история их собственного образования, а также контекст греко-российских отношений, в котором проходила их деятельность. Соответственно, в главе 1 будут рассмотрены греко-российские отношения в XVII веке и проанализирована концепция «православного содружества», господствующая в историографии раннемодерного православного мира. Подвергая критическому пересмотру концепт «православного содружества», под которым здесь понимается множество тех территорий на Балканах и в Восточной Европе, где были частично разбросаны восточноправославные общины, я показываю, что его раздирали внутренний конфликт, связанный с представлениями об истинном православном благочестии и вопросами

ритуала и возникший из объективных исторических условий (включая господство турок над многими православными) и западных (главным образом католических) влияний. Глава 2 посвящена биографии Лихудов, включая разбор формального образования, полученного Иоанникием и Софронием в учебных заведениях постренессансной Италии, и исследование культурных импульсов, повлиявших на складывание интеллектуального облика обоих братьев. Хотя Софроний получил в университете Падуи степень доктора философии, падуанский аристотелизм, судя по всему, не оказал влияния на выбор Лихудами предметов для преподавания в Москве, по крайней мере в той степени, в какой речь идет об их подходе к некоторым аспектам натуральной философии. Напротив, решающими факторами в интеллектуальном формировании Иоанникия и Софрония послужила их учеба у Герасима Влахоса и в Коттунианской коллегии в Падуе. И Влахос, и Коттунианская коллегия дали двум братьям образование, которое покоилось на институциональных контурах и учебной программе иезуитских коллегий XVII века. Для Славяно-греко-латинской академии Иоанникий и Софроний использовали во многом те же образцы.

Лихуды-учителя трудились в Москве отнюдь не в вакууме. Подыскивая на греческом Востоке преподавателей для академии, которую предполагалось открыть в столице, царь и патриарх имели в виду конкретные цели. Поэтому темой главы 3 будет обзор российского образования до конца XVII века, включая предысторию создания академии и подробный анализ «Привилегии» — образцового школьного устава начала 1680-х годов, отражающего задачи, поставленные перед образованием церковью и государством. В противоположность ряду прежних научных интерпретаций, утверждающих, что между царским двором и Московским патриархатом шла борьба за культурную ориентацию академии, я делаю упор на сотрудничество церкви и государства в деле строительства первого в истории России официально признанного учебного заведения. Соответственно, я провожу связь между положениями «Привилегии» и принципами, на которых было создано учебное заведение Иоанникия и Софрония. Что еще более существенно, я сопоставляю лихудовскую академию с западными учебными заведениями того же

уровня и подчеркиваю, сколь многим академия была обязана иезуитским средним и высшим учебным заведениям. Посредством этого сопоставления я показываю, что издавна служившие источником подражания в Речи Посполитой и в греческих учебных заведениях на православном Востоке и в Италии иезуитские учебные заведения явились прототипом и для Славяно-греко-латинской академии. В России, как и в ряде других европейских государств раннего Нового времени, среднее и высшее институциональное образование в начале своего пути ориентировалось на иезуитские образцы. Этот факт заслуживает особого внимания, тем более что новая московская академия стала альма-матер для ряда политических и культурных фигур, игравших важную роль в правление царя-вестернизатора Петра I.

Иезуитские коллегии давали полный курс обучения, начиная с основ латыни и греческого и далее переходя через грамматику, риторику и логику к натуральной философии и теологии. Лихуды воспроизвели в академии тот же порядок занятий, но, будучи изгнаны из академии в 1694 году, они не имели возможности дойти до теологии. Курс риторики, нашедший отражение в учебниках, написанных или составленных братьями, рассматривается в главе 4. На лихудовскую риторику оказала двустороннее влияние иезуитская теория риторики: прямое, путем непосредственного заимствования из иезуитских трактатов (особенно из трактата французского иезуита Жерара Пеллетье), и косвенное, выразившееся в подражании учебнику авторства Герасима Влахова. Последний, судя по всему, сам взял за основу своего курса риторики учебник иезуита Киприана Соареса, которому отдавали предпочтение в иезуитских коллегиях в XVII веке. Лихуды, находившиеся под таким влиянием, преподавали и практиковали барочную риторику «большого стиля», сложившуюся к середине XVII века.

Философия была тем последним предметом, который Иоанниковий и Софроний имели возможность преподавать до их устранения из академии. Как и в случае риторики, преподававшийся в академии курс философии непосредственно основывался на иезуитских образцах. В главе 5 я впервые реконструирую учебный процесс от логики через «общую» к «специальной» физике. Начав с рассмотрения учебника Софрония по логике,

я покажу, что образцами для труда Софрония послужили трактат по логике Герасима Влахоса и — в конечном счете — трактат иезуита Франциска Толета, который играл роль авторитетного руководства по искусству вынесения верных суждений в иезуитских училищах. Перейдя к рассмотрению комментариев Иоанникия к сочинениям Аристотеля по физике, я уделю особое внимание преподаванию Лихудами космологии в качестве конкретного примера из читавшегося в академии курса натуральной философии. Разъясняя сложное устройство Вселенной, Лихуды предлагали своей московской аудитории одну из многочисленных версий иезуитской космологии, а именно полутихоническую — геогелиоцентрическую — модель устройства мира. В преподавательской деятельности двух братьев не наблюдается слепого следования Аристотелю или средневековым христианским схоластам. Напротив, они насаждали среди своих студентов такое понимание космоса, которое было призвано увязать прочно укоренившиеся философские принципы и религиозные аксиомы с некоторыми недавними астрономическими открытиями. Лихудовская космология, подобно своим иезуитским прототипам, нисколько не выходила за рамки количественной физики, но признавала по крайней мере некоторые из «небесных новшеств», выявленных телескопом. Наконец, в главе 6 впервые проводится связь между риторической и философской программой академии и культурой элиты Московии. Затем я представлю просопографическое исследование для некоторых выпускников лихудовской академии, проследив жизненный путь ряда ее студентов, служивших в церковных и в государственных учреждениях уже позднее, в бурную пору осуществления вестернизационных проектов Петра Великого. Отсюда и традиционные хронологические рамки книги, охватывающей период до 1725 года, когда завершилось правление Петра.

Иезуитское образование в Славяно-греко-латинской академии выходило за рамки простого заимствования институциональных структур и педагогических методов. Оно проникало в самую суть учебной программы академии посредством сильнейшего влияния, оказывавшегося им на учебники и другие учебные материалы, использовавшиеся Лихудами. Влияние

западных и особенно иезуитских образцов на просветительские начинания в украинских и белорусских землях Речи Посполитой уже давно обсуждается в историографии. Более того, недавние «расследования» показывают, что некоторые представители украинского и белорусского духовенства в XVII веке широко использовали западные источники в своих философских и теологических построениях, облекая их в православную форму для своей аудитории¹. Я делаю то же самое на примере лихудовских учебников, но не ставлю перед собой цель дать анализ всего корпуса произведений Лихудов на тему натуральной философии, так как считаю эту задачу более уместной для специалистов по истории философии. Также я сознательно оставляю за рамками полемические произведения Лихудов, как посвященные конфликту вокруг евхаристии, так и направленные против католицизма или протестантизма. Действительно, в некоторых своих трудах Лихуды полемизируют по теологическим вопросам с иезуитами, а одна из их работ как будто представляет собой запись диспута между ними и преподавателем-иезуитом. Я обращаюсь к полемическим трудам Лихудов лишь в тех случаях, когда те позволяют выявить новые подробности их биографии и просветительской деятельности. Таким образом, главное, на что делается упор в данной книге, — труд Лихудов как преподавателей. Я сознательно иду на это, поскольку полемика Лихудов может быть неверно истолкована и исказить представление об истоках и содержании того, чему они учили. Также я не буду рассматривать теологические труды Лихудов, поскольку нет никаких свидетельств того, что они преподавали теологию в академии. Полное изучение их теологического наследия — задача, стоящая перед теологами, и я подозреваю, что при ее решении станет ясно, сколь

---

¹ Корзо М. А. Освоение католической традиции московскими и киевскими книжниками XVII в.: Иннокентий Гизель и Симеон Полоцкий // Православие Украины и Московской Руси в XV–XVII веках: общее и различное / Ред. М. В. Дмитриев. М.: Индрик, 2012. С. 290–301; Корзо М. А. Украинская и белорусская катехитическая традиция конца XVI–XVIII вв.: становление, эволюция и проблема заимствований. М.: Канон+, 2007; ср. также: Корзо М. А. Образ человека в проповеди XVII века. М.: Ин-т философии РАН, 1999. В этой работе показываются границы возможностей такого заимствования, особенно заметные в проповедях.

многое они позаимствовали и переняли у латинского Запада в том числе и в богословских вопросах¹.

Иоанникий и Софроний ни в коем случае не проявляли оригинальности или новаторства в своих штудиях. Вторичная природа вышедших из-под их пера текстов совершенно очевидна. Безусловно, этот факт отнюдь не лишает учебную программу академии ее значения. Академия была призвана удовлетворить потребности государства в опытных администраторах и образованном духовенстве, способном занимать должности в церковной иерархии и распространять христианское учение среди мирян. Вместе с тем первое в России институционализированное учебное заведение обслуживало интеллектуальные запросы представителей царского и патриаршего дворов и их администраторов, чиновников, писцов и редакторов. Будучи плодом сотрудничества между церковью и государством, своим основанием академия в большой степени была обязана вызовам и дилеммам, которые вставали перед светской и церковной элитой Московского государства из-за изменений в культурном окружении. Иезуитское образование в той или иной степени было общей чертой многих западных европейцев как из аристократии, так и иного происхождения. Когда реформатор Петр «погнал» (одних — подталкивая, других — принуждая) своих собственных придворных в сторону Запада, по крайней мере некоторые из них были готовы встретиться со своими западными партнерами лицом к лицу — в значительной степени благодаря образованию, полученному ими в Лихудовской академии.

Необходим ряд уточнений в том, что касается понятий «элита» и «элитарная культура», какими они используются в данной книге. Я использую понятие русская «элита» расширительно².

---

¹ Если не считать полемики вокруг евхаристии, теологические взгляды Лихудов изучались очень мало, и то лишь с точки зрения их гипотетической зависимости от византийской апофатической традиции в теологии. См.: *Григорьева И. Л., Мельников Д. В.* К вопросу о византийской традиции в богословии братьев Лихудов // Европейские традиции в истории высшей школы в России: доуниверситетский период: Материалы научной конференции «Вторые Лихудовские чтения». Великий Новгород, 24–26 мая 2004 года / Ред. В. Л. Янин, Б. Л. Фонкич. Великий Новгород: НовГУ, 2009. С. 21–29.

² Обсуждение понятия государева двора см. в: *Захаров А. В.* Государев двор Петра I: публикация и исследование массовых источников разрядного